

УДК 738.8

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-70-78

МИТИНА Мария Николаевна,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет проф-
союзов, Санкт-Петербург, Россия
mitina.mary@gmail.com

MITINA Maria N.,
Saint-Petersburg University of the Humanities and Social
Sciences, Saint-Petersburg, Russia
mitina.mary@gmail.com

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ ТРИПОЛЬЯ- КУКУТЕНИ

TO THE HISTORY OF RESEARCH OF TRIPOLYE-CUCUTENI FIGURINES

Статья посвящена истории исследования мелкой пластики Триполья-Кукутени, анализу источников. Рассмотрена проблема изучения материала преимущественно с точки зрения археологии. Выявлены недостатки подобного подхода. Исследования пластики археологами дают обширный материал для датировки и классификации памятников, но в большей степени не отражают стилистических и содержательных характеристик статуэток. Остановившись на уровне формального анализа, зачастую многие исследователи не затрагивают вопрос интерпретации памятников трипольской культуры. Автором предложен альтернативный, междисциплинарный подход к исследованию трипольской пластики, в том числе методами искусствоведения. Для исследования мелкой пластики важно оценить состояние базы источников, выявить подходы к ее изучению с позиции разных областей науки. Только комплексное применение достижений каждой области науки даст возможность полной оценки памятников.

The article is dedicated to the history of research of Tripolye-Cucuteni figurines, to the sources analysis. This paper presents problem of research mainly in the context of archeology. There are disadvantages of such approach. Archeological researches give a lot of facts for dating and classification of figurines, but mostly do not reflect stylistic and substantial characteristics of statuettes. Many researchers very often do not pay attention on the interpretation problem of Tripolye-Cucuteni figurines, focusing only on the level of formal analysis. The author suggests an alternative, interdisciplinary approach to research of Tripolye-Cucuteni figurines, including methods of art history. It is necessary to assess sources for further researching of Tripolye-Cucuteni figurines. It is important to deduce approaches from the perspective of different fields of science. Only composite using of achievements of each science field gives possibility for full research of figurines.

Ключевые слова: Триполье-Кукутени, антропоморфная пластика, историография, искусство энеолита, археология, этнография, философия, искусствоведение, источниковедение, междисциплинарный подход.

Keywords: Tripolye-Cucuteni, figurines, historiography, Neolithic-Chalcolithic art, archeology, ethnography, philosophy, art history, Source studies, multidisciplinary approach.

Памятники, созданные жителями до «античной» Европы – богатый материал, представляющий сведения о жизни и творчестве «первобытных» людей. Немалую часть среди находок занимает мелкая антропоморфная пластика. Мелкая пластика, как и керамика в целом, – массовый материал, представляющий широкое поле для изучения этнокультурных процессов [1, с. 54-70]. Однако в большей степени эти памятники занимают исследователей-археологов и чаще всего остаются вне поля зрения искусствоведов. Исследование мелкой пластики с точки зрения археологии строится преимущественно на описании находок и их классификации по морфологическим, технологическим признакам, масштабам и составу материала. Этот подход важен для формального анализа материала, где основная проблема – решение вопроса о датировке и культурной принадлежности памятника. К сожалению, такой подход не является полным и достаточным основанием для выхода на следующую стадию исследования памятника – с точки зрения его смысловых, содержательных, стилистических характеристик. Для этого необходим искусствоведческий подход с использованием иконографического и иконологического анализа.

Проблему интеграции, синтеза наук обозначил Л.С. Клейн [2, с. 13-23], выделил необходимость взаимодействия наук для получения более обширной картины исследуемого времени. Однако Л.С. Клейн определил и ряд проблем, связанных с междисциплинарным подходом: каждая наука рассматривает исследуемый предмет в одной проекции, важно верно расположить эти проекции меж собой. «Правильное расположение проекций относительно друг друга состоит в том, чтобы от каждой источниковедческой дисциплины брать то, что она вправе давать для синтеза» [2, с. 18]. Существует необходимость разработать искусствоведческую методику исследования антропоморфной пластики Триполья-Кукутени с точки зрения иконологии (содержания) и иконографии (приемов и способов).

Многие исследователи раннеземледельческих культур избегают собственно искусствоведческих определений – стиль, художественный образ, художественная метафора, – отдавая предпочтение более общим терминам – особенности, характеристики и т.д. Определение же раннеземледельческой пластики как памятников искусства исследователи-археологи чаще заменяют терминами – памятник материальной(!) культуры, археологический памятник, артефакт. Оба этих определения исключают наличие духовного наследия, отражения творческой самобытности отдельных мастеров в пластике Триполья и других культур балканского круга [3, с. 135-166]. А меж тем в мелкой пластике раннеземледельческих культур существует ряд как стандартных, так и индивидуальных характеристик. Очень часто при описании пластики не учитывают факт профессионализма первобытных художников. Аналогии подхода к созданию произведений прослеживаются в африканских культурах [4, с. 1-23]. Этнографические аналогии в

культурах Африки и Океании с раннеземледельческими культурами отмечал А.К. Амброз, исследуя особенности «ромба с крючками» [5, с. 14-27]. Подобные аналогии можно выделить и в вопросе профессионализма исполнителей. Можно заметить, что изготавливать маску могли только специалисты [6, с. 14]. Мастерство – главный аспект, однако африканский мастер, не просто ремесленник, умеющий работать с материалом, а художник, создающий художественные образы, – «художник, а не копиист» [6, с. 17].

Для исследования мелкой пластики важно оценить состояние базы источников, как рассматривают мелкую пластику с позиции разных наук. С. Церна отмечает, что иконография исследования антропоморфной пластики исчисляется десятками монографий и сотнями статей, однако «парадигмы исследователей нередко противоречат друг другу» [7, с. 1-3].

Исследования пластики с точки зрения археологии

В рамках археологической науки к пластике обращались с начала археологических раскопок. В XIX в. на Украине – В.В. Хвойка [8, с. 730-812], в Сербии – М. Васич [9]. Для представления общего историко-культурного фона первобытности важна обобщающая работа по первобытной мифологии, верованиям, обрядам Д.Д. Фрэзера [10]. В первой трети XX в. Т.С. Пассек [11, с. 57-64] описывает историю сложения трипольской культуры в целом. В исследовании керамики она выделяет ряд характеристик: «основной мотив трипольской керамики – спираль; ранний период – одиночные или двойные, поздний – менее крутые – в один или полтора оборота» [11, с. 57-64]. Однако, выделяя особенности построения орнамента, автор придерживается археологического подхода – систематизации по периодам, не проводя обобщений на стилистическом уровне. Т.С. Пассек также обращается к проблеме интерпретации статуэток: «большинство антропоморфных статуэток изображают женщину, в них следует видеть воплощение почитаемого божества, олицетворявшего у трипольцев идею плодородия и всеобщего благополучия» [11, с. 59]. Однако также добавляет: «В этих статуэтках выражен и характерный для первобытного строя культ предков, причем особое значение имеет изображение материдоначиальницы» [11, с. 59]. О культе предков пишет и Е.К. Черныш [12, с. 165-320].

В.И. Маркевич [13, с.65] связывает женские фигурки с признаками беременности с весенним циклом обрядов, воскрешением природы и началом работ на полях. Автор также затрагивает проблему реконструкции трипольской одежды и ее связи с керамикой – декор одежды просто повторяет декор сосуда. Автор исследует феномен антропоморфности керамики на основе того, что любой сосуд имеет антропоморфные черты [14].

С 1970-х гг. появляются специализированные работы по пластике. К вопросу реконструкции одежды и связи декора статуэток с декором одежд обращались разные исследователи, и мы еще вернемся к этим работам, но стоит отметить, что в большинстве своем эти работы посвящены женским статуэткам. Т.Г. Мовша [15] уделяет внимание мужским фигуркам и их декору и проводит аналогии меж декором и мужским костюмом, говоря о реалистическом стиле и возможности того, что мужские фигурки с перевязью показывают обряд посвящения юноши в воина.

Попытка составления иконографии статуэток приведена в работе Т.А. Поповой [16, с.39-43], посвященной истории открытия и находкам поселения Раковец. Исследователь выделяет две группы статуэток – мужские и женские, отмечая большее количество женских. Автор выделяет особенности каждой группы. Женские статуэтки: схематичны, однако с тщательно проработанной грудью, животом, лоном, иногда обозначенной обувью; выделяет фигурки с признаками беременности; выделяет женские статуэтки с «углубленным орнаментом в виде передника с бахромой, такие как в Поливанов Яр II, Яблони I, Мындрешть-озеро и др.» [16, с. 40]. Автор отмечает, что некоторые женские фигурки выполнены с прическами: «можно предположить, что налуп на голове сзади воспроизводит головной убор, и тогда он обнаруживает сходство с головным убором статуэток из Туркмении и Месопотамии» [16, с. 42]. В описании мужских статуэток приводится менее подробный анализ, касающийся детали мужской одежды – перевязи. Автор ставит проблему изображения лица и маски – рассматривает «изображения типа Януса-маски» [16, с.42] и их аналогии в других культурах юго-восточной Европы (Винча, Гумельница, Тиса).

В связи с особенностями тела и гендерной характеристикой статуэток, а в некоторых случаях в связи со сложностью определения пола ставился вопрос об изображении андрогинов. Н.В. Риндюк [17, с.48-50] выдвигала гипотезу об андрогинности некоторых статуэток – сочетании в них и мужских, и женских характеристик. Однако эта теория вызывает ряд сомнений в связи с особенностями исполнения некоторых фигур.

Многие исследователи-археологи в описании пластики останавливаются на систематизации и классификации материала, что, безусловно, является чрезвычайно важным и необходимым, но все же оставляющим лакуны в вопросе определения роли мелкой пластики в искусстве. К таким работам можно отнести исследования Д. Монаха [18], В.И. Балабиной [19], Н.К. Качаловой [20], С.Н. Бибикиной [21], В.Г. Збеновича [22], А.П. Погожевой [23], Н.М. Шмаглий [24]

и других.

Неоднократно учеными поднимался вопрос интерпретации статуэток. Рыбаков [25, с. 24-47] выделяет фигурки женские с признаками беременности и определяет их как «роженицы». Женские изображения в большей степени рассматривались с точки зрения теории М. Гимбутас [26] о Великой Богине, Богине-Матери, Прародительнице. Р. Хаттон [27, с. 91-99] в своей работе описывает процесс формирования идеи о Великой Богине. Теорию Гимбутас о Великой Богине разделяют Н.Б. Бурдо [28, с. 78-88], М.Ю. Видейко [29, с. 564-565], Б.А. Рыбаков [25, с. 24-47] и многие другие, несмотря на резкую критику этой теории (Л. Мескел [30, с. 74-86], Р. Лижер [31], И.В. Палагута [32]).

Исследования пластики с точки зрения других областей науки (антропология, этнография, психология, философия, искусствоведение)

Новый взгляд на исследование пластики расширил границы подходов к материалу и обратил взоры ученых к возможностям смежных дисциплин – антропологии, этнографии, психологии и искусствоведения. Исследование пластики с точки зрения **антропологии** направлены на возможность выявления этнических черт трипольцев в антропоморфных фигурках. Предпринята попытка использовать статуэтки для определения антропологического типа носителей трипольской культуры, у которых на раннем этапе не зафиксировано погребальных памятников, кроме отдельных погребений в жилищах [11, с. 59]. Однако возможность сравнения антропоморфных фигурок, например, с черепами из Выхватинского могильника представляется не исчерпывающей в вопросе исследования пластики с точки зрения возможных смысловых и образных характеристик.

Трипольская пластика попадает и в поле зрения **исследователей-этнографов**, используется в качестве материала для исследования в этнографических работах. И.А. Морозов [33] рассматривает произведения с точки зрения художественных метафор. Он ставит вопрос о критериях первобытного искусства и определения искусства в первобытных обществах. Автор выделяет один из важнейших критериев в определении искусства в первобытных обществах – профессионализма исполнителя. В этом аспекте важны исследования болгарских ученых А. Радунчевой [34], И. Вайсова, Х. Тодоровой [35].

С точки зрения этнографии и применения этой области науки для исследования мелкой антропоморфной пластики Триполья-Кукутени интересен феномен куклы, как возможной интерпретации назначения некоторых антропоморфных фигур. Статуэтка небольшого размера воспринимается как кукла. Такое восприятие совершенно оправдано – ведь любая кукла отражает реальные объекты. Например, кукла в образе человека повторяет и его форму, и пропорции, и одежду. О феномене куклы пишет Е.М. Пещерева [36, с. 22-44], однако ее исследование построено на материале кукол таджиков. Однако некоторые критерии и особенности могут быть рассмотрены и применительно к трипольскому материалу. Известны целые наборы трипольских статуэток в комплексах, например набор из Овчарово – статуэтки вместе с мебелью и посудой, алтари. Памятники из Подури и Исайи – это наборы фигурок разного размера и элементы «мебели» – миниатюрные креслица. Они представляют подобие кукольного домика с фигурками. Возможно, некие аналогии в этой области следует рассматривать на примере применения кукол у индейцев пуэбло (качины) или Папуа – Новой Гвинеи.

С точки зрения возможного назначения статуэток существует множество теорий: ритуальное, религиозное назначение, культ плодородия; игра, кукольный домик; изображение предков; портрет.

С точки зрения **психологии** восприятия человеческого тела, трипольские антропоморфные фигурки – важный материал для исследования. Проблема телесности, подчеркнутая бесполость или акцентирование пола – эти вопросы рассматривает в своих работах

Д. Бейли [37]. Автор выделяет феномен мелкой пластики – «touch» – необходимость держать ее в руках. Антропоморфная статуэтка отражает форму тела человека, ритмическая организация ее поверхности, характер орнамента, многообразие штриховки, геометрических форм в декоре создают образ одежды статуэток. Фигурка обладает особой натурой, восприятие которой несет игровой контекст, она предполагает возможность тактильного контакта со зрителем.

Отдельные аспекты пластики анализировались различными исследователями. В иконографии трипольских антропоморфных фигур важную роль играет декор поверхности статуэток. Существует ряд подходов к исследованию этого декора. Один из них – интерпретация декора статуэток с точки зрения одежды. К этой проблеме обращается А.П. Погожева [23], но более подробно исследует этот вопрос М.А. Новицкая [38, с. 44-61]. Гончары иногда подкладывали ткань при производстве керамики, фактура ткани отпечатывалась на сосудах. Автор обращается к отпечаткам тканей на донышках сосудов, приводя конкретные примеры: «раскопки С.С. Гамченко в с. Стина Томашевского района на Тульчинщине – 6 фрагментов, раскопки Штерна в Петренах – 2 фрагмента и один сосуд кратерового типа». Исследователь проводит аналогии с технологией вязания на спицах простого чулочного типа. В качестве основных сортов тканей

приводятся два типа – полотняного переплетения и габардинового. Исследования М.А. Новицкой [38] показывают, что в основе пластики – реальные изображения, а не религиозные. Мастер отражал образ конкретного человека с его телом и одеждой. Выводы М.А. Новицкой и полученные результаты показывают важность исследования вопроса одежды и костюма и его связи с декором антропоморфной пластики Триполья, а также важность проведения дальнейших исследований в этой области. Возможно, следует рассмотреть аналогии с сохранившимися тканями других культур – коптские ткани, египетские и т.д.

Анализ материала других культур, в первую очередь собственно мелкой антропоморфной пластики, важен и для установления межкультурных связей, религиозных представлений, единых универсумов в процессе творчества человека. С этой точки зрения необходимо отметить работы С. Нанноглоу [39, с. 303-322] с греческим материалом; Е.М. Штейерманн [40]; Е.В. Антоновой [41] об антропоморфной пластике земледельцев Азии; В.М. Массона и В.И. Сарияниди [42] по пластике Средней Азии, и др.

К 1990-м гг. возникла необходимость обобщить накопленные исследования, был создан ряд новых работ [18]. Как уже отмечалось выше, исследование Трипольской антропоморфной пластики в основном находится в поле зрения археологов, и, несмотря на большое количество исследований, вопрос о роли антропоморфной пластики Триполья-Кукутени **в искусстве** остается открытым. Мелкая пластика как отражение эпохи. В этом смысле необходимо отметить тот факт, что мелкая пластика в русле современных исследователей искусства вплоть до фарфоровых статуэток – также отражение стиля эпохи. Стиль рококо – мотив раковины. С точки зрения природы орнамента и его связи со стилизацией реальных предметов и явлений интересна работа Б.Л. Богаевского [43] о символе раковины в трипольской культуре. Из раковин могли изготавливать украшения, о чем свидетельствуют находки раковин с отверстиями [44, с. 32]. Мотив же раковины – спирали и формы самих створок раковин – мог быть одной из основ стилизации. Вопрос стиля в пластике поднимает Ф. Драшевян [45, с. 19-32]. Однако автор высказывает предположение о зависимости стиля от технологии производства и не рассматривает возможной личностной интерпретации образов мастером. Особенности стиля отражаются и в технологии исполнении частей тела фигурок (например, ног) и напрямую зависят от материала.

Р. Лижер [31] предложил работать с памятниками с точки зрения искусства. Одновременно и независимо друг от друга новый подход к исследованию пластики разрабатывали Р. Лижер [31] и И.В. Палагута [32].

И.В. Палагута отмечает что искусство «первобытного прошлого крайне редко попадает в поле зрения искусствоведов и остается в рамках археологической науки» [32, с. 13]. В исследовании пластики Триполья необходимо рассматривать не только отдельные фигурки, но и комплексы статуэток, необходимо учитывать их взаимодействие друг с другом. Монография И.В. Палагута впервые обращает внимание на проблему творческого проявления мастера, выполнявшего антропоморфные фигурки. И.В. Палагута ставит ряд важных вопросов о том, что такое первобытное искусство [32, с. 9], однако отмечает тот факт, что эстетическая функция искусства находится «вне сферы, связанной с искусством первобытности» [32, с. 10]. И.В. Палагута исследует пластику с точки зрения искусства, выявляя критерии искусства и не искусства. Для изготовления фигурки требуется мастерство и профессионализм. И наряду с массовыми вещами существуют шедевры, как, например, пара из Черноводы. Автор ставит вопрос о назначении и функции пластики: по М. Гимбутас [26] антропоморфная пластика – форма в общении с высшими силами, с другой стороны, ремесло – традиционное искусство или же пластика заключает в себе социальную функцию? Может ли первобытное творчество исследоваться с точки зрения искусства, в каком контексте? Эти и многие другие вопросы раскрывает в своем исследовании автор.

Необходимо отметить, что в исследовании пластики с точки зрения искусствоведения важно учитывать проблему терминологии. Очень часто некоторые термины используются как синонимы, таковыми не являясь (как, например: стиль, стилистика, стилизация). Проблемой терминологии в области искусства отчасти занимается теория и методология искусства, однако единого решения некоторых вопросов еще не найдено. Поэтому важно учитывать этот факт при использовании некоторых определений к памятникам Триполья. Подобная проблема уже решалась в рамках исследования скифских вещей, к которым все же было применено искусствоведческое определение стиля, но с некоторыми оговорками. Проблема звериного стиля и его особенностей рассмотрена в работе Е.Ф. Королькова [46]. Вопросы стиля в первобытном искусстве рассматривает Я.А. Шер [47, с. 9-13]. В антропоморфной пластике Триполья также можно выделить ряд стилевых особенностей, демонстрирующих эволюцию стиля: худые – полные фигурки; углубленный орнамент – расписной, детализация – отсутствие деталей.

Важно поставить вопрос об эстетической функции искусства Трипольцев, разработать методологический подход к пластике с точки зрения искусствоведения, с точки зрения контекста видов и жанров искусств, учитывая единство материальной и духовной сферы – ремесла, рели-

гии и индивидуальности мастера. Важно учитывать фактор формирования стиля с точки зрения формальных признаков (особенности моделировки лица и тела, художественной формы и т.д.). Именно поэтому важны **обще исторические, искусствоведческие, философские труды о первобытном искусстве и творчестве, исследования по эстетике и методологии искусства.**

Необходимо выделить исследования А. Леруа Гурана [48] о первобытном обществе, Л. Леви-Брюля [49], Л. Фробениуса [50], Ж. Моргана [51] и др.

Н. Сандарс [52] в своем исследовании рассматривает европейское первобытное искусство с точки зрения связей и изобразительных основ построения образов. Это описание форм, обобщающая работа, но без интерпретации.

Работа В.А. Семенова [53] опирается на публикации М. Гимбутас [26] и Т.С. Пассек [11]. Например: «сопряженность женской природы с лунным календарным циклом нашла отражение в антропоморфной пластике, представленной женскими статуэтками» [53, с. 57]; «Большинство известных типов статуэток были богинями» [53, с. 241]. При описании пластики автор характеризует одежду: «на некоторых фигурках показаны детали костюма. Женский костюм представляет собой комбинацию одежды. Он состоит из блузы и узкой юбки или из множества одежд. Мужские фигурки иногда одеты в рубашку и штаны» [53, с. 247].

Работа З.А. Абрамовой [54] – каталог по материалам палеолитического искусства, однако во введении автор обращает внимание на тот факт, что «по существу, проблема древнейшего образа человека является во многом отправной для понимания исходной природы творчества как общественно-исторического явления и важнейшей формы познания мира» [54].

А.С. Гуцин [55, с. 6] считает, что «искусство возникло вне зависимости от практического назначения». Проблема происхождения искусства рассмотрена в исследовании Н.С. Бледновой [56, с. 36].

Для понимания процесса творчества и попытки реконструкции творческого акта у первобытного человека важны работы К. Юнга [57], формирующего определение архетипа, и исследования Р. Арнхейма [58] о визуальном восприятии предметов, где он проводит связи между творчеством первобытного мастера и творчеством ребенка. Этому посвящен раздел «Первобытные люди и дети». Автор отмечает, что, «острота наблюдения и правдивость памяти у первобытного человека значительно выше, чем у людей более развитых цивилизаций» [58, с.131]. Автор проводит аналогии творческого акта у ребенка и первобытного человека. Он не согласен с понятием, что дети рисуют не то, что видят, а то, что знают [58, с. 155]. Автор полагает, что «процесс зрительного восприятия способствует стилизации», а «искусство первобытного общества возникает не из любопытств и не ради самого творческого порыва. Искусство в первобытном обществе является практическим инструментом в выполнении жизненно важных занятий» [58, с. 132].

С точки зрения методологии исследования важна работа Э. Панофского [59]. Автор выделяет три уровня исследования материала – иконографию, иконологию, стилистику.

Г. Вельфлин [60] в своем исследовании не обращается к первобытному творчеству, первобытное искусство вне поля его зрения. Однако для пластики в общем он выделяет следующие характеристики: линейность – живописность; плоскость – глубина; замкнутость – открытость формы. Эти характеристики с точки зрения формального анализа важны для исследования пластики Триполья.

Б.Р. Виппер [61] также не обращается к проблеме первобытного творчества, но разрабатывает методологию исследования скульптуры, в рамках которой возможно и исследование пластики, так как «скульптура конкретна и телесна» [61, с. 98]. Виппер отмечает различие между терминами «пластика» и «скульптура». Различие отражается не только в материалах, но и в «существовании художественного восприятия» [60]. Автор считает, что «скульптура по своим стилистическим приемам очень простое, по тематическому репертуару-довольно ограниченное, по проблемам и задачам очень ясное и конкретное искусство» [60]. Б.Р. Виппер отмечает причины тематической односторонности скульптуры: «одна из них заключается в том, что в создании и в восприятии скульптуры участвуют не только зрительные органы, но и осязательная моторная энергия» [31, с.101]. Однако автор рассматривает скульптуру с времен архаики Древней Греции, не освещая вопросы более ранних произведений.

Итак, на сегодняшний день не существует обобщающих работ, есть множество отдельных, специальных исследований по отдельным темам и проблемам и чаще всего рассмотренных в рамках одной науки. К исследованию мелкой антропоморфной пластики Триполья-Кукутени необходим междисциплинарный подход, который сможет предоставить возможность исследовать материал с разных точек зрения, выявить его особенности, разработать критерии оценки этих памятников.

Как говорилось выше, археологические работы представляют хорошо структурированный, разработанный по датировкам, технологиям производства и географии находок материал. Исторические обзоры первобытного времени и жизни первобытного человека предоставляют

платформу для понимания контекста вещей, социальной особенности общества, бытовых и экономических условий жизни первобытного человека. Общеискусствоведческие исследования дают возможность применять искусствоведческую базу для разработки критериев оценки памятников искусства. Методологические работы помогают сформировать специальные подходы к исследованию первобытного творчества. Эстетические и философские труды дают почву для исследования эстетических особенностей и проблемы творчества вообще.

Комплексное применение достижений каждой области науки даст возможность полной оценки и исследования не только особенностей отдельных статуэток и комплексов, но и поможет выявить срез культуры Триполья-Кукутени и образ картины мира этого времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кожин П.М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 54–70.
2. Клейн Л.С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // СЭ. – № 4. – 1988. – С. 13–23.
3. Массон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб., 2000. – С. 135–166.
4. Blier S.P. African Vodun: Art, Psychology, and Power, 1995. – 463 p.
5. Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. – № 3. – 1965. – С. 14–27.
6. Sieber R., Walker R.A. African Art in the Cycle of Life, 1987. – 155 p.
7. Церна С.В. К вопросу о методологии изучения распределения антропоморфной пластики на поселениях раннеземледельческих обществ Юго-Восточной Европы (на примере кукутень-трипольского статуйного комплекса). – СПб., 2010. – С. 1–3.
8. Хвойка В.В. Каменный век Среднего Приднепровья // Тр. XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г. Т.1. – М., 1901. – С. 730–812.
9. Васич М. Преисторика Винча, – Београд, Т. 1–4, 1932.
10. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. – М., 1980. – 704 с.
11. Пассек Т.С. Искусство Трипольских племен / История искусства народов СССР. Т.1. – М., 1971. – С. 57–64.
12. Черныш Е.К., Массон В.М. Энеолит правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР / Археология СССР. – М., 1982. – С. 165–320.
13. Маркевич В.И. Многослойное поселение Новые Русешты I // КСИА. Вып. 123, 1970. – С. 65.
14. Маркевич В.И. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. – Кишинев, 1981. – 196 с.
15. Мовша Т.Г. Антропоморфная пластика Триполья (реалистический стиль). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1975. – 24 с.
16. Попова Т.А. Уникальные иконографические образы антропоморфной пластики культуры Триполья-Кукутени // РА. – 2003. – № 3. – С. 39–43.
17. Риндюк Н.В. Основные принципы систематизации глиняной антропоморфной пластики раннего Триполья // Трипольський світ і його сусіди: Тези доп. конф. – Збараж, 2001. – С. 48–50.
18. Monah D. Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis III. Piatra-Neamț: Complexul Județean Muzeal Neamț. 1997.
19. Балабина В.И. Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. – М.: ИА РАН, 1998.
20. Качалова Н.К. Антропоморфная пластика (женские изображения). По материалам выставки «Культура и искусство древнего населения на территории СССР». – Л.: Аврора, 1973. – 13 с.
21. Бибилов С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре (к истории ранних земледельческо-скотоводческих обществ на юго-востоке Европы). МИА 38. Изд-во АН СССР, 1953.
22. Збенович В.Г. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1989.
23. Погожева А.П. Антропоморфная пластика Триполья. – Новосибирск: Наука, 1983. – 145 с.
24. Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. Изучение поселения трипольской культуры Майданецкое // Древние общества Юго-Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб., 2000. – С. 15–52.
25. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев неолита. I // СА. – № 1. – 1965. – С. 24–47.
26. Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe, 7000 to 3500 BC: Myths, Legends and Cult Images. London: Thames & Hudson, 1974.
27. Hutton R. The Neolithic great goddess: a study in modern tradition // Antiquity, Vol. 71, No 271, 1997. – P. 91–99.
28. Бурдо Н.Б. Хронологія і періодизація Трипілья А. Археологія 4, 1998. – С. 78–88.
29. Видейко М.Ю. Археологічні пам'ятки трипільської культури на території України. Реєстр / Вступне слово. In: Видейко М.Ю. (ed.) Енциклопедія трипільської цивілізації: в 2-х тт. Т. 1. – Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. – С. 564–565.
30. Meskell L. Goddesses, Gimbutas and "New Age" archaeology. Antiquity 69 (262), 1995. – С. 74–86.
31. Lesure R. Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison and Prehistoric Art. Cambridge: CUP, 2011.
32. Палагута И.В. Мир искусства древних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н.э. – СПб.: Алетейя, 2012.
33. Морозов И.А. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. – М.: Индрик, 2011. – 352 с.
34. Радунчева А. Доисторическое искусство в Болгарии. Пятое-второе тысячелетие до н.э. – София, 1971. – 120 с.
35. Тодорова Х., Вайсов И. Новокаменная эпоха в България / Неолитическая эпоха в Болгарии. Наука и искусство, 1993.
36. Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры таджиков и узбеков (по материалам 1924–35 гг.) // Сб. МАЭ. Т. XVII, 1957. – С. 22–44.

37. Bailey D.W. Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic. – London: Routledge, 2005.
38. Новицкая М.А. К вопросу о текстиле трипольской культуры / Археология II. – Киев, 1948. – С. 44-61.
39. Nanoglou S. Social and monumental space in Neolithic Thessaly, Greece. EJ 4 (3), 2001. – P. 303-322.
40. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. – М.: Наука, 1987.
41. Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. – М., 1977. – 150 с.
42. Массон В.М., Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. – М., 1973. – 210 с.
43. Богаевский Б.Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья / ИГАИМК, Т. VI, вып. VIII-IX. Л., 1931. – 101 с.
44. Монолог в честь раковины: каталог выставки/ Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – С. 32.
45. Draşovean F. The Neolithic tells from Parţa and Uivar (South-west Romania). Similarities and differences of the organization of the social space// AB, XV, 2007.P. 19-32.
46. Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствоведения и звериный стиль скифской эпохи: к формированию глоссария основных терминов и понятий // – СПб, 1996. – 78 с.
47. Шер Я.А. Стиль в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции / Мат-лы темат. науч. конф. Кафедра археологии СПбГУ, 1-4 декабря 2004 г. – СПб., 2004. – С. 9-13.
48. Leroi-Gourhan A. Treasures of Prehistoric Art. – New York: Harry N. Abrams, 1967.
49. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. – М., 1994. – 608 с.
50. Kulturgeschichte Afrikas: Prolegomena zu einer historischen Gestaltlehre. 2012. – 652 s.
51. Морган Ж. Доисторическое человечество. Общий очерк доисторического периода, 2010. – 328 с.
52. Sandars N.K. Prehistoric Art in Europe. – London, 1985. – 508 p.
53. Семенов В.А. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. – СПб.: Азбука-Классика, 2008. – 592 с.
54. Абрамова З.А. Древнейший образ человека. Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.
55. Гуцин А.С. Происхождение искусства, – Л.; М., 1937. – С. 6
56. Бледнова Н.С., Вишняцкий Л.Б., Гольдшмидт Е.С., Дмитриева Т.Н., Шер Я.А. Первобытное искусство: проблема происхождения. – Кемерово, 1998. – С. 36.
57. Юнг К.Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. – М.: REFL-book, 1996. – 304 с.
58. Архейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Архитектура-С., 2012. – 392 с.
59. Панофский Э. Этюды по иконологии. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 432с.
60. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. – М.: В. Шевчук, 2009. – 344 с.
61. Виллер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. – М.: В. Шевчук, 2010.

REFERENCES

1. Kozhin P.M. Value of ceramics in research of ancient ethnocultural process. [Znachenie keramiki v izuchenii drevnikh etnokul'turnykh protsessov]. *Keramika kak istoricheskiy istochnik - Ceramics as historical source*. Novosibirsk, 1989, pp. 54–70. (in Russ.).
2. Kleyn L.S. The synthesis strategy in ethnogenesis researches (integration of sciences and source synthesis in solution of ethnogenesis problems). [Strategiya sinteza v issledovaniyakh po etnogenezu (integratsiya nauk i sintez istochnikov v reshenii problem etnogeneza)], 1988, pp. 13–23. (in Russ.).
3. Masson V.M. Early complex communities of Eastern Europe. [Rannie kompleksnye obshchestva Vostochnoy Evropy]. *Drevnie obshchestva Yuga Vostochnoy Evropy v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoy transformatsii) - Early communities of South of Eastern Europe in the epoch of palaeo metal (early complex communities and aspects of cultural transformation)*. Saint Petersburg, 2000, pp. 135-166. (in Russ.).
4. Blier S. P. African Vodun: Art, Psychology, and Power, 1995, 463 p. (in En.).
5. Ambroz A. K. Early agricultural ceremonial symbol ("lozenge with slings") [Rannezemledeľcheskiy kul'tovyy simvol («romb s kryuchkami»)], 1965, pp.14-27. (in Russ.).
6. Sieber R., Walker R. A. African Art in the Cycle of Life, 1987, 155 p. (in En.).
7. Tserna S.V. On the question of methodology for studying the distribution of anthropomorphic sculpture in the early agricultural settlements societies of South-Eastern Europe (on the example of Cucuteni-Tripoli statuary complex). [K voprosu o metodologii izucheniya raspredeleniya antropomorfnoy plastiki na poseleniyakh rannezemledeľcheskikh obshchestv Yugo-Vostochnoy Evropy (na primere kukuten'-tripol'skogo statuarnogo kompleksa)]. Saint Petersburg, 2010. pp. 1-3. (in Russ.).
8. Khvoyka V.V. The Stone Age of Middle Dnieper [Kamennyy vek Srednego Pridneprov'ya]. *Trudy XI Arkheologicheskogo s'ezda v Kieve v 1899 godu-Proceedings of XI Archaeological Congress in Kiev in 1899*, vol.1. Moscow, 1901, pp. 730-812. (in Russ.).
9. Vasich M. Preistoriska Vinca. [Preistoriska Vincha]. Belgrade, vol. 1-4, 1932. (in Serbian).
10. Frezer D.D. The Golden Bough [Zolotaya vetv']. Moscow, 1980, 704 p. (in Russ.).
11. Passek T.S. The Art of Tripoli tribes. [Iskusstvo Tripol'skikh plemen]. *Istoriya iskusstva narodov SSSR- The history of art of the USSR*. vol.1. Moscow, 1971, pp. 57-64. (in Russ.).
12. Chernysh E.K., Masson V.M. Eneolithic of right-bank Ukraine and Moldova. [Eneolit pravoberezhnoy Ukrainy i Moldavii]. *Eneolit SSSR, Arkheologiya SSSR - Eneolithic USSR, Soviet Archeology*. Moscow, 1982, pp. 165-320. (in Russ.).
13. Markevich V.I. The multilayer settlement New Rusestii I [Mnogosloynoe poselenie Novye Ruseshty I. No 123, 1970, pp. 65. (in Russ.).
14. Markevich V.I. The Late-Tripoli tribes of North Moldavia. [Pozdnetripol'skie plemena Severnoy Moldavii]. Chisinau, 1981, 196 p. (in Russ.).
15. Movsha T.G. The Anthropomorphic plastic of Tripoli (realistic style). [Antropomorfная пластика Триполья (реалистический стиль)]. Kyiv, 1975, 24 p. (in Russ.).

16. Popova T.A. The unique iconographic images of anthropomorphic plastic of Tripoli-Cucuteni culture. [Unikal'nye ikonograficheskie obrazy antropomorfnoy plastiki kul'tury Tripol'ya-kukuteni], 2003, no 3, pp. 39-43. (in Russ.).
17. Rindyuk N.V. The basic principles of systematization of clay anthropomorphic sculpture of early Tripoli. [Osnovnye printsipy sistematizatsii glinyanoy antropomorfnoy plastiki rannego Tripol'ya]. *Tripil'skiy svit i yogo susidi -Tripolskiy world and its neighbors*, 2001, pp. 48-50. (in Russ.).
18. Monah D. Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis III. Piatra-Neamt: Complexul Județean Muzeal Neamț, 1997. (in Rumanian).
19. Balabina V. I. Figures of animals in plastic of Cucuteni-Tripoli. [Figurki zhivotnykh v plastike Kukuteni-Tripol'ya]. Moscow, 1998. (in Russ.).
20. Kachalova N.K. Anthropomorphic plastic (female images). According to the materials of the exhibition "Culture and art of the ancient population in the Soviet Union" [Antropomorfnyaya plastika (zhenskies izobrazheniya). Po materialam vystavki «kul'tura i iskusstvo drevnego naseleniya na territorii SSSR]. Leningrad, 1973, 13 p. (in Russ.).
21. Bibikov S.N. The early Tripoli settlement Luka Vpublevetskaya on the Dniester (the history of early farming and pastoral communities in south-east Europe). [Rannetripol'skoe poselenie Luka-Vpublevetskaya na Dnestre (k istorii rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv na yugo-vostoke Evropy)], 1953. (in Russ.).
22. Zhenovich V.G. The early stage of Tripoli culture in Ukraine. [Ranniy etap tripol'skoy kul'tury na territorii Ukrainy], Kyiv, 1989. (in Russ.).
23. Pogozheva A.P. Anthropomorphic plastic of Tripoli. [Antropomorfnyaya plastika Tripol'ya]. Novosibirsk, 1983, 145 p. (in Russ.).
24. Shmaglii N.M., Videyko M.Y. The research of Tripoli settlements Maidanets. [Izuchenie poseleniya tripol'skoy kul'tury Maidanetskoe]. *Drevnie obshchestva Yugo-Vostochnoy Evropy v epokhu paleometala (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoy transformatsii) - Ancient societies of Southeast Europe in the paleometal (early complex societies and issues of cultural transformation)*. Saint Petersburg, 2000, pp. 15-52. (in Russ.).
25. Rybakov B.A. Cosmology and mythology of Chalcolithic agriculturalist. [Kosmogoniya i mifologiya zemledel'tsev neolita], 1965, pp. 24-47. (in Russ.).
26. Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe, 7000 to 3500 BC: Myths, Legends and Cult Images. London: Thames & Hudson, 1974. (in En.).
27. Hutton R. The Neolithic great goddess: a study in modern tradition. *Antiquity*, vol. 71, no 271, 1997, pp. 91–99. (in En.).
28. Burdo N.B. The Chronology of Trypole A. [Khronologiya i periodizatsiya Tripillya A.] no 4, 1998, pp. 78–88. (in Ukrainian).
29. Videyko M.Y. The archaeological sites of Tripoli culture in Ukraine. [Arkheologichni pam'yatki tripil's'koï kul'turi na teritorii Ukraïni]. *Entsiklopediya Tripol'skoy tsivilizatsii - The encyclopedia of Tripoli civilization*. vol. 1. Kyiv, 2004, pp.564–565. (in Ukrainian).
30. Meskell L. Goddesses, Gimbutas and "New Age" archaeology. *Antiquity* 69 (262), 1995, pp.74–86. (in En.).
31. Lesure R. Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison and Prehistoric Art. Cambridge: CUP, 2011. (in En.).
32. Palaguta I.V. The art world of ancient agriculturalist of Europe. The Balkan-Carpathian cultures range in the VII-III millennium BC [Mir iskusstva drevnikh zemledel'tsev Evropy. Kul'tury balkano-karpatskogo kruga v VII–III tys. do n.e.]. Saint Petersburg, 2012. (in Russ.).
33. Morozov I.A. Cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism. [Krosskul'turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma]. Moscow, 2011, 352 p. (in Russ.).
34. Raduncheva A. Prehistoric art in Bulgaria. The fifth-second millennium BC. [Doistoricheskoe iskusstvo v Bolgarii. Pyatoe-vtoroe tysyacheletie do n.e.]. Sophia, 1971, 120 p. (in Russ.).
35. Todorova Kh., Vaysov I. Neolithic era in Bulgaria. [Novokamennata epokha v B"lgariya], 1993. (in Bulgarian).
36. Peshchereva E.M. Toys and children's games of Tajiks and Uzbeks (based on the 1924-35). [Igrushki i detskie igry tadzhikov i uzbekov (po materialam 1924-35 gg.)]. Vol. XVII, 1957, pp. 22 - 44. (in Russ.).
37. Bailey D.W. Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic. London: Routledge, 2005. (in En.).
38. Novitskaya M.A. On the issue of textiles of Tripoli culture. [K voprosu o tekstile tripol'skoy kul'tury]. *Arkheologiya II - Archeology II*. Kyiv, 1948, pp. 44-61. (in Russ.).
39. Nanoglou S. Social and monumental space in Neolithic Thessaly, Greece. *EJ* 4 (3), 2001, pp. 303–322. (in En.).
40. Shtaerman E.M. The social basis of religion of Ancient Rome. [Sotsial'nye osnovy religii Drevnego Rima]. Moscow, 1987. (in Russ.).
41. Antonova E.V. Anthropomorphic sculpture of ancient agriculturalist of Southwest and Central Asia. [Antropomorfnyaya skulptura drevnikh zemledel'tsev Peredney i Sredney Azii]. Moscow, 1977, 150 p. (in Russ.).
42. Masson V.M., Sarianidi V.I. Central Asian terracotta from the Bronze Age. Experience of classification and interpretation. [Sredneaziatskaya terrakota epokhi bronzy. Opyt klassifikatsii i interpretatsii.]. Moscow, 1973, 210 p. (in Russ.).
43. Bogaevskiy B.L. Shells in the painted ceramics of China, Crete and Tripoli [Rakoviny v raspisnoy keramike Kitaya, Krita i Tripol'ya] vol. VI. Leningrad, 1931, 101 p. (in Russ.).
44. The monologue in honor of the shell: the exhibition catalog. Monolog v chest' rakoviny: katalog vystavki. Saint Petersburg, 2014, pp. 32. (in Russ.).
45. Drașovean F. The Neolithic tells from Parța and Uivar (South-west Romania). Similarities and differences of the organization of the social space AB, XV, 2007, pp.19-32. (in En.).
46. Korol'kova E.F. Theoretical problems of Art and Animal Style of Scythian epoch: the formation of a glossary of key terms and concepts. [Teoreticheskie problemy iskusstvoznaniya i zverinyy stil' skifskoy epokhi: k formirovaniyu glossariya osnovnykh terminov i ponyatiy.]. Saint Petersburg, 1996, 78 p. (in Russ.).
47. Sher Ya.A. The style in primitive art. [Stil' v pervobytnom iskusstve]. *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii - Fine monuments: the style, the epoch, the composition*. Saint Petersburg, 2004, pp. 9-13. (in Russ.).
48. Leroi-Gourhan A. Treasures of Prehistoric Art . New York: Harry N. Abrams, 1967. (in En.).
49. Levi-Bryul' L. Supernatural in primitive thinking. [Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii]. Moscow, 1994, 608 p. (in Russ.).
50. Kulturgeschichte Afrikas: Prolegomena zu einer historischen Gestaltlehre. 2012, 652 S. (in German).

51. Morgan Zh. Prehistoric humanity. [Doistoricheskoe chelovechestvo]. *Obshchiy ocherk doistoricheskogo perioda -The overall sketch of the prehistoric period*, 2010. 328 p. (in Russ.).
52. Sandars N.K. Prehistoric Art in Europe. London, 1985, 508 p. (in En.).
53. Semenov V.A. Prehistoric Art. Stone Age. Bronze Age. [Pervobytnoe iskusstvo. Kamennyy vek. Bronzovyy vek] Saint Petersburg, 2008, 592 p. (in Russ.).
54. Abramova Z.A. The oldest image of the person. [Drevneyshiy obraz cheloveka.] *Katalog po materialam paleoliticheskogo iskusstva Evropy- The catalogue on the materials of paleolithic art in Europe*. Saint Petersburg, 2010. (in Russ.).
55. Gushchin A.S. The origin of art. [Proiskhozhdenie iskusstva]. Leningrad, Moscow, 1937, pp. 6 (in Russ.).
56. Blednova N.S., Vishnyatskiy L.B., Gol'dshmidt E.S., Dmitrieva T.N., Sher Ya.A. The prehistoric art: The problem of origin. [Pervobytnoe iskusstvo: problema proiskhozhdeniya]. Kemerovo, 1998, pp. 36. (in Russ.).
57. Yung K.G., Noymann E. Psychoanalysis and Art. [Psikhoanaliz i iskusstvo]. Moscow, REFL-book Publ., 1996, 304 p. (in Russ.).
58. Arnkheym R. Art and Visual Perception. [Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie]. Moscow, 2012, 392 p. (in Russ.).
59. Panofskiy E. Studies on iconology. [Etyudy po ikonologii]. Saint Petersburg, 2009, 432 p. (in Russ.).
60. Vefflin G. The basic concepts of art history. The problem of style evolution in the new art. [Osnovnye ponyatiya istorii iskusstv. Problema evolyutsii stilya v novom iskusstve]. Moscow, 2009, 344 p. (in Russ.).
61. Vipper B.R. Introduction to the historical study of art. [Vvedenie v istoricheskoe izuchenie iskusstva]. Moscow, 2010. (in Russ.).

Информация об авторе

Митина Мария Николаевна, аспирантка кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия
mitina.mary@gmail.com

Получена: 04.10.2015

Для цитирования статьи: Митина М. Н., К истории исследования антропоморфной пластики Триполья-Кукутени. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №6. Часть 2. с- doi-

Information about the author

Mitina Maria N., Postgraduate, Art Department, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint-Petersburg, Russia
mitina.mary@gmail.com

Received: 04.10.2015

For article citation: Mitina Maria N., To the history of research of Tripolye-Cucuteni figurines. [K istorii issledovaniya antropomorfnoy plastiki Tripol'ya-Kukuteni]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Tom 7. No. 6 vol-2. Pp. - . doi: